

***

Подпоручик Янек Яжембский в условленное место прибыл пунктуально. Прибыв, сначала позвонил, потом постучал и лишь после этого взялся за ручку входной двери — все как положено по инструкции. Разумеется, дверь оказалась незапертой.

— Можно? — вежливо спросил блюститель порядка и вошел в квартиру.

Труп, ясное дело, не ответил. Он лежал на полу, заваленный макулатурой. Хорошо просматривались лишь ноги, но подпоручик полиции Янек Яжембский обладал некоторым опытом и по видимым конечностям понял — человек если не мертв, то при смерти. На всякий случай полицейский ноги все-таки пощупал, они оказались еще теплыми. Окинув взглядом находящуюся в неимоверном беспорядке единственную комнату однокомнатной квартиры, выхватил из разгрома искомое — телефон. Разбит, конечно.

Подпоручик Янек Яжембский в полиции состоял не по уголовной, а по экономической части, но, разумеется, имел представление о сложностях работы коллег из отдела особо тяжких преступлений, и в его планы отнюдь не входило еще более усложнять им работу.

Однако, с другой стороны, этот еще тепленький покойник мог оказаться не совсем мертвым,

и в таком случае ему следовало оказать незамедлительную медицинскую помощь. Кстати, возможность вернуть к жизни пострадавшего целиком совпадала с интересами самого подпоручика, ибо на условленное место он прибыл для того, чтобы пообщаться, а не полюбоваться на бездыханное тело, и неоказание помощи могло напрочь перечеркнуть все шансы на такое общение.

Все эти мысли вихрем пронесли в голове подпоручика Яжембского, и их вытеснила одна, главная — немедленно вызвать медицинскую помощь и оперативную группу. Но как? Телефон выведен из строя. Бежать куда-то и бросить незапертой квартиру с обнаруженным трупом? Оставить в квартире некого, запереть нечем, а пока он туда и обратно преодолет лестницу на пятый этаж, всякое может случиться. Попробовать позвонить от соседей? Ни в коем случае, неизвестно, чем еще обернется дело. Скорей, скорей решайся, сколько можно раздумывать! Необходимость что-то немедленно предпринять прямо-таки заглядывала подпоручику через плечо и рычала страшным голосом. И он решился.

— Один раз козе смерть! — пробормотал подпоручик, плотно закрыл дверь злосчастной квартиры и ринулся вниз по очень неудобным ступенькам крутой лестницы. Просто чудо, как не переломал

себе рук и ног! Позвонив куда надо из своей служебной машины, припаркованной за квартал от дома, подпоручик в том же темпе взлетел на пятый этаж, убедился в наличии покойника в квартире и, опять закрыв дверь, тяжело дыша, уселся перед нею на верхней ступеньке лестницы. Теперь только оставалось ждать прибытия опергруппы с полицейским врачом, о чем Яжембский предупредил особо.

Тут скрипнула дверь квартиры напротив злосчастной, и в щель просунулась дамская голова в мелких завитках. Женщина, чьи лучшие годы давно миновали, подозрительно посмотрела на незнакомого мужчину, усевшегося на ее лестничной площадке, и неприязненно поинтересовалась:

— А пан тут чего?

Подпоручик Яжембский выглядел очень прилично, никак не походил ни на пьянчугу, ни на бандита, ни даже на хулигана. Был он молод, симпатичен, одет прилично, тщательно выбрит — предположить, что такой способен безобразничать на лестничной клетке, никому бы и в голову не пришло. А вот на квартирного вора он очень даже походил! Как раз такие приличные, не вызывающие подозрений граждане и очищают квартиры в отсутствие их владельцев.

Видимо, эта мысль столь явственно отразилась на лице женщины, что подпоручик счел нужным рассеять ее подозрения и произвести по возможности хорошее впечатление. Во-первых, нельзя допускать, чтобы баба подняла крик на всю лестницу, а она явно к этому готовилась. Во-вторых, такая, судя по всему, любопытная и энергичная особа, проживающая дверь в дверь с его безвременно ушедшим из жизни клиентом, может оказаться весьма ценным свидетелем.

Послав дотошной бабе одну из своих самых обаятельных улыбок, молодой человек с грустью произнес:

— Так не повезло, проше пани! Ногу подвернул, ступить нельзя. Подожду немного, может, пройдет. Очень уж неудобная у вас лестница!

— Не лестница, а форменное безобразие! — с готовностью подтвердила голова в дверях, но бдительности не утратила. — Интересно, когда же пан успел подвернуть ногу? Только что вошел, и вообще ничего такого я не слышала.

— Вот на этой ступеньке и подвернул, только что, и сразу сел! В самом деле ничего слышно не было, видите, у меня ботинки на микропоре. Да вы не беспокойтесь, я вот помассирую, авось все и пройдет!

И он принялся растирать щиколотку правой ноги, так как к бабе ближе была левая.

Бабу это не очень убедило.

— А мне казалось, что пан уже был здесь, потом спустился на улицу, а потом опять поднялся! — настаивала она. — А чтоб подвернул ногу, такого я не видела.

Ага, похоже, любопытная соседка не отходила от глазка в своей двери! Очень важное обстоятельство, и хорошо, что подпоручик его установил, ведь неизвестно, захочет ли еще эта вредная баба общаться с официальными представителями следственных властей.

— Пани просто не могла меня видеть, ведь я нагнулся! — вежливо пояснил Яжембский, проверяя свою гипотезу относительно глазка. Поскольку опровержения не последовало, офицер полиции уверился в своем предположении и смело врал дальше, еще энергичнее растирая ногу:

— Такая боль, вы не представляете!

Трудно сказать, удалось ли подпоручику убедить соседку. Скорее, не удалось, ибо она по-прежнему смотрела на него с подозрением, помощи не предложила и, похоже, о чем-то думала. Затем, судя по движению кудрявой головы, пожала плечами, втянула эту голову внутрь и захлопнула дверь.

Будучи уверен, что баба продолжает наблюдать за ним через глазок, подпоручик продолжал демонстративно массировать лодыжку. Ему пришло в голову, что версию с вывихнутой ногой можно использовать и в другом отношении: опергруппа, уезжая, прихватит его с собой как пострадавшего, и тем самым ему удастся скрыть от дотошной соседки свою принадлежность к полиции. Так сказать, знакомство с соседкой состоялось, как знать, может, и пригодится.

Полиция прибыла через десять минут. С нею приехал и полицейский врач.

— Ну, что тут у вас? — сухо поинтересовался подпоручик Анджей Вербель, с которым Янек Яжембский учился еще в начальной школе, не говоря уже о средней и специальной милицейской. Пути их разошлись лишь после окончания Высшей школы милиции, когда судьба разделила однокашников, отправив на службу в разные отделы.

— Нарочно не придумаешь! — ответил Яжембский и стащил коллегу на несколько ступенек вниз. В ответ на недоуменный взгляд давнего дружка пояснил: — Камера работает! Баба вон из той квартиры видит нас в глазок.

— Да что случилось?

— Приехал поговорить по душам о своем деле с одним типом, а застал клиента для вас.

— Фальшивомонетчики? — пожелал убедиться подпоручик Вербель.

— Да, как раз копаюсь в их похождениях, а он мог много знать. Чертовски много знать. Как тебе удалось так быстро заловить эскулапа?

— Случайно ошивался поблизости. А что, ты думаешь, тот еще жив?

— Был теплый, я пощупал. И знаешь, в комнате все вверх ногами. Анджей, мне бы хотелось присутствовать при осмотре.

— Нет проблем! Пошли скорее!

Оказалось, спешить уже некуда, ибо хозяин квартиры, как установил врач, расстался с жизнью окончательно и бесповоротно, и произошло это еще до прибытия подпоручика Яжембского, минимум полчаса назад. После врача свое дело сделал фотограф и уступил место специалисту по дактилоскопии.

— На ручке входной двери мои отпечатки, — информировал его подпоручик Яжембский. — Снаружи, внутри я к ручке не прикасался.

— Очень мило с вашей стороны, — похвалил его эксперт. — Тут я как раз вижу потрясающие отпечатки. Свеженькие, как первая редисочка.

Врач в своем заключении не сомневался. Хозяин квартиры и в самом деле был совершенно мертв. Две колотые раны, из них одна прямоком в нужный орган, исключали ошибку. Следов борьбы врач не обнаружил.

— Если удар в сердце нанесен пружинным ножом, это мог сделать даже ребенок, — заметил врач. — А больше ничего до вскрытия сказать не могу.

Начальник опергруппы капитан Фрелькович подвел итоги первых минут расследования:

— Нападение внезапное, скорее всего, действовали пружинным ножом. Хозяин квартиры открыл кому-то знакомому дверь — это мог быть и мужчина, и женщина, и даже ребенок — и получил первый удар. Не давая ему опомниться, нападавший толкнул мужчину в комнату, где и нанес ему смертельную рану. Потом в спешке принялся что-то искать. В кухню не заходил. Преимущественно рылся в бумагах.

— И наверняка нашел, — с горечью резюмировал подпоручик Яжембский. — Что бы мне, холера, прийти на час раньше!

— А почему же ты не пришел? — поинтересовался школьный товарищ.

— Так он сам мне назначил время. Слушайте, тут напротив такая дотошная баба живет, она не

отходит от глазка в двери и наверняка видела, кто здесь появлялся незадолго до моего прихода.

И Яжембский рассказал о своем знакомстве с любознательной соседкой. Оба — и капитан, и подпоручик из следственной группы — очень обрадовались. Такая живая камера наблюдения действительно могла оказаться бесценной!

Труп лежал посередине небольшой комнаты тесной однокомнатной квартиры и очень мешал опергруппе в ее работе, поэтому капитан распорядился отправить его с врачом в морг. Подпоручики Вербель и Яжембский получили возможность на просторе приступить к осмотру помещения, сам же капитан решил лично побеседовать с наблюдательной соседкой, надеясь в глубине души, что после общения с ней следствие удастся закончить в рекордно короткий срок.

Не успел капитан снять палец с кнопки звонка, как дверь распахнулась.

— Ну, чего раззвонились? — недоброжелательно поинтересовалась пожилая особа громким пронзительным голосом, явно намереваясь привлечь к делу общественность. — Сейчас полицию вызову!

— А я и есть полиция! — обрадовал ее капитан. — Вот мое служебное удостоверение. Разрешите войти? Мне нужна ваша помощь.

Внимательно изучив удостоверение личности, пани неохотно впустила капитана в квартиру. Удостоверение, похоже, отнюдь не смягчило полную самых гнусных подозрений особу — она по-прежнему оставалась неприязненной и бдительной.

Опытному оперативному работнику хватило взгляда, чтобы понять — он имеет дело с одной из самых неприятных категорий граждан, самоуверенной и недалекой женщиной старше среднего возраста со следами былой привлекательности, исполненной претензий ко всему на свете неизвестно по какой причине. Первые же слова возможной свидетельницы подтвердили наихудшие опасения капитана:

— А что вообще происходит? С чего вдруг такой шум? Там живет порядочный человек, редкий мужчина, никогда никаких неприятностей не случалось, да и подозрительных визитеров, вроде вас, я не видела...

— Вот я как раз о визитерах и хотел поговорить с уважаемой пани! — подхватил капитан. — У вас глазок в двери, так, может, вы случайно заметили, кто тут сегодня был?

— Случайно! — фыркнула дама. — Тоже скажете! Да я, если хотите знать...